

М.В. Киселенко

Влияние военно-политических факторов на внешнюю политику Узбекистана: военно-техническое сотрудничество как атрибут суверенитета

Аннотация. В статье исследуется влияние военно-политических факторов на формирование внешнеполитического курса Республики Узбекистан. Актуальность темы обусловлена системными реформами, проведенными после смены политического лидера, урегулированием давних территориальных споров в регионе и нарастающей геополитической нестабильностью. Рассмотрены мотивы и векторы военно-технического сотрудничества (ВТС) Ташкента с внешними игроками: Россией, Китаем и др. Опровергается тезис о том, что ВТС Узбекистана направлено на поддержание или корректировку регионального военно-политического баланса. Делается вывод, что военно-техническое сотрудничество является неотъемлемой частью реализации многовекторной внешней политики и рассматривается руководством Узбекистана в качестве необходимого атрибута суверенитета и государственности, служащего для формирования современной, самодостаточной и боеспособной армии.

Ключевые слова: Узбекистан, внешняя политика, военно-техническое сотрудничество, ВТС, многовекторность, суверенитет, региональная безопасность, Россия, Китай, Турция.

Автор: Киселенко Матвей Владимирович, магистр МГИМО (У) МИД РФ.
ORCID: 0009-0002-2520-5523. E-mail: matkis01@gmail.com

Matvei V. Kiselenko

The Impact of Military-Political Factors on Uzbekistan's Foreign Policy: Military-Technical Cooperation as an Attribute of Sovereignty

Abstract. This article examines the impact of military-political factors on the formation of the foreign policy course of the Republic of Uzbekistan. The relevance of the topic is determined by the systemic reforms implemented after the change of political leadership, the final settlement of longstanding territorial disputes in the region, and the growing geopolitical instability. The study provides a detailed analysis of the motives and vectors of Tashkent's military-technical cooperation (MTC) with key external partners — Russia, China etc. The paper challenges the widespread assumption that Uzbekistan's MTC aims to sustain or adjust the regional military-political balance. It concludes that military-technical cooperation constitutes an integral component of Uzbekistan's multi-vector foreign policy and is regarded by the national leadership as a necessary attribute of sovereignty and statehood. In this context, MTC serves as a tool for building a modern, self-reliant, and combat-ready national army.

Keywords: Uzbekistan, foreign policy, military-technical cooperation, MTC, multi-vector policy, sovereignty, regional security, Russia, China, Turkey.

Author: Kiselenko, Matvei V., Master of Science, MGIMO University.
ORCID: 0009-0002-2520-5523. E-mail: matkis01@gmail.com

Изучение военно-политических факторов во внешней политике республики Узбекистан приобретает исключительную актуальность в свете трансформационного периода, начавшегося после смены руководства страны и выразившегося в усилении регионального прагматизма и диверсификации внешних связей. С приходом к власти Шавката Миромоновича Мирзиёева внешняя политика Ташкента претерпела существенные изменения, перейдя от относительной замкнутости к активному региональному и международному взаимодействию. Эти изменения совпали с ключевыми сдвигами в региональной безопасности, такими как подписание в 2025 г. Договора о государственной границе между Кыргызстаном и Таджикистаном, что снизило риск прямого конфликта в Центральной Азии до исторического минимума. Перенаправление фокуса угроз с внутренних региональных споров на внешние вызовы (прежде всего, сохраняющуюся нестабильность в Афганистане) сделало вопросы военного строительства и военно-технического сотрудничества (ВТС) одними из центральных элементов внешней политики Узбекистана.

Рассмотрение ВТС Узбекистана, являющегося внеблоковым государством и не входящего в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), показывает, что данное сотрудничество не может быть исчерпывающе объяснено классическими теориями реализма или неореализма, которые рассматривают военное наращивание как инструмент поддержания баланса сил. Если бы Ташкент стремился лишь к региональному военному превосходству, его политика ВТС была бы более унифицированной и конфронтационной. Однако Узбекистан, напротив, активно диверсифицирует партнеров, используя ВТС для реализации своей многовекторной доктрины и, что критически важно, для укрепления государственного суверенитета.

ВТС как многофункциональный инструмент внешней политики

Военно-техническое сотрудничество Узбекистана представляет собой сложную матрицу, где взаимодействие с каждым внешним игроком выполняет уникальную политическую, экономическую и техническую функцию. Это сотрудничество является живым подтверждением многовекторной политики, которая позволяет Ташкенту одновременно получать гарантии стабильности от одного партнера, современные технологии от другого и стандарты подготовки от третьего. ВТС в этом контексте остается не просто закупкой вооружения, а дипломатическим и технологическим маневром, направленным на обеспечение военной самодостаточности государства.

Сотрудничество Узбекистана и России в области ВТС

Сотрудничество Узбекистана и России в военной сфере развивалось волнообразно и преимущественно в двустороннем формате. После отказа Ташкента от пролонгации ДКБ в 1999 г. на фоне стремления дистанцироваться от российских интеграционных проектов и кратковременного поворота к Организации за демо-

кратию и экономическое развитие (ГУАМ) кооперация заметно сузилась. Вновь она активизировалась после охлаждения отношений Узбекистана с Западом в 2005—2006 гг., когда республика восстановила членство в ОДКБ, однако уже в 2012 г. снова приостановила участие, закрепив внеблоковый статус. В результате основой взаимодействия стала двусторонняя договорная рамка: Договор о принципах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве (1992), Декларация о развитии и углублении всестороннего сотрудничества (1994), Договор о дальнейшем углублении сотрудничества в военной и военно-технической областях (1999), соглашения 2001 г. по приграничным вопросам и совместному применению ВВС/ПВО, а также Договор о стратегическом партнерстве (2004) и Договор о союзнических отношениях (2005). Именно последние два документа придали импульс расширению поставок и ремонту техники.

Дальнейшая институционализация пришлась на 2012 г.: была согласована программа оснащения узбекской армии российским вооружением до 2020 г., а параллельная договоренность о реструктуризации долга открыла пространство для новых кредитных линий. В 2017 г. стороны заключили соглашение о развитии ВТС (взаимные поставки, обслуживание и ремонт, содействие НИОКР). Впервые в апреле 2021 г. утверждена программная рамка стратегического партнерства в военной сфере; позднее согласованы план межведомственного сотрудничества на 2025 г. и Программа стратегического партнерства на 2026—2030 гг.

Материально-техническое измерение включает закупки: ориентировочно 50 БТР-80 (2001), один дивизион С-125 «Печора-2М» (2008), 75 ракет Р-73 (2016), 12 вертолетов Ми-35М (2018), 4 БТР-82А и 20 «Тайфун-К-53949» (2019) [Arms transfers database]. Доля российского вооружения в армии Узбекистана, по оценкам экспертов, составляет около 60 % [Импорт вооружений в Центральной Азии...], что вызывает споры о зависимости Узбекистана от РФ. Эта зависимость может быть обусловлена несколькими факторами: историческим наследием, унификацией вооружения со времен СССР, которая обеспечивает совместимость систем и упрощает логистику; а также относительно более низкой стоимостью и доступностью техники и запасных частей.

Учебно-боевой трек реализуется через СНГ, ШОС и двусторонние форматы: «Боевое содружество-2007», «Юг-2021», «Мирная миссия-2021», «Евразия-Анти-террор-2023», «Боевое содружество-2023» (Объединенная система ПВО СНГ), «Восток-Анти-террор-2024». Наконец, образовательное сотрудничество постепенно расширяется: если в 2018 г. обучение в российских военных вузах начали около 340 военнослужащих Узбекистана [Более 340 военных Узбекистана...], то к 2022 г. их число увеличилось примерно до 500 [Сотрудничество Узбекистана и России].

Для Узбекистана партнерство с Россией критически важно для поддержания базовой боеспособности и технологического уровня армии. Ташкент регулярно проводит совместные учения, что соответствует стратегическим интересам России. Однако, несмотря на стратегическое партнерство, Узбекистан сохраняет свой внеблоковый статус, отказываясь от вступления в ОДКБ, что является четким сигналом о приоритете национального суверенитета над коллективной безо-

пасностью под эгидой Москвы. Этот прагматичный подход позволяет получать выгоду от ВТС, одновременно минимизируя политические обязательства. Кроме того, дилемма зависимости, связанная с российским ВПК, является одним из главных стимулов для активной диверсификации партнеров.

Узбекистан и Китай: ВТС в контексте «Пояса и пути»

Сотрудничество Узбекистана с Китаем в военно-технической сфере неуклонно расширяется, хотя и уступает по объему российскому. ВТС с КНР выходит за рамки классических военных закупок и тесно вплетено в стратегическую инициативу «Пояса и пути». Китайские поставки в Узбекистан сфокусированы на специфических областях, связанных с нетрадиционными угрозами и пограничным контролем.

Отправной точкой стало соглашение о военно-техническом сотрудничестве 2000 г., предусматривавшее поставки китайского вооружения и боеприпасов. Уже год спустя, 15 июля 2001 г., Узбекистан присоединился к только что созданной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в учредительных документах которой были зафиксированы три ключевых направления взаимодействия — безопасность, экономика и гуманитарная сфера. Параллельно государства-члены подписали Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, тем самым задав долгосрочную антитеррористическую рамку («три силы зла»), в которую органично вписалось сотрудничество Ташкента и Пекина.

Институционализация двусторонних контактов продолжалась и далее. В 2011 г. был подписан меморандум между Народным университетом общественной безопасности КНР и Академией МВД Узбекистана [Перминова, 2024, с. 107]; в 2012 г. — Совместная декларация о стратегическом партнерстве, а в 2014 г. — Программа развития стратегических отношений на 2014—2018 гг. Следующий шаг пришелся на 2017 г., когда стороны заключили соглашение о сотрудничестве в сфере военного образования. Наконец, в 2024 г. отношения были подняты до уровня «всепогодного» всеобъемлющего партнерства новой эпохи, что отражает их устойчивость вне зависимости от конъюнктуры.

Материально-технический трек имеет прикладной характер. В 2013 г. Узбекистан первым в Центральной Азии получил пять ударных БПЛА Wing Loong-1 и 30 управляемых ракет Blue Arrow-7 [Arms transfers database]; к 2022 г. КНР стала вторым после России поставщиком вооружений для республики [Перминова, 2024, с. 110]. В 2017 г. были приобретены зенитные ракетные комплексы HQ-9 и 60 ракет к ним, а в 2019 г. на учениях на полигоне «Чирчик» фиксировались переносные ЗРК QW-18 (без публичных данных по количеству).

Наконец, практическая кооперация опирается на регулярные учения, преимущественно в двустороннем формате с участием Национальной гвардии Узбекистана. Показательны контртеррористические маневры «Cooperation 2019», «Peace Mission 2021» в составе вооруженных сил государств — членов ШОС, а также антитеррористические учения компетентных органов стран ШОС и СНГ

«Евразия-Антитеррор-2023». В совокупности договорная база, поставки и совместная подготовка формируют устойчивую, прагматичную и все более технологичную модель узбекско-китайского взаимодействия в сфере обороны.

Сотрудничество Узбекистана с США

Сотрудничество Узбекистана и США формировалось поступательно и сегодня опирается на несколько взаимодополняющих треков. Отправной точкой стало присоединение Ташкента в 1994 г. к программе НАТО «Партнерство ради мира», после чего с 1996 г. взаимодействие велось в рамках ежегодных «Индивидуальных программ партнерства и сотрудничества». Качественный сдвиг зафиксирован в 2009 г., когда было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве. С 2018 г. кооперация приобрела плановый характер благодаря пятилетним дорожным картам, что придало ей большую предсказуемость и горизонт планирования.

Материально-техническая составляющая достигла пика в 2015 г., когда Узбекистан стал крупнейшим получателем американской военной помощи в Центральной Азии [Izimov, 2016]: ему были переданы 159 бронемашин M-ATV, 55 RG-33, 70 MaxxPro и 50 Cougar, пограничная служба дополнительно получила 20 вездеходов MAN TGM [Arms transfers database]. В последующем акцент сместился к точечному наращиванию возможностей: в 2018—2019 гг. поставлены 24 дизельных двигателя Cummins (375 л.с.), что свидетельствует о поддержке эксплуатационной готовности уже имеющейся техники.

Не менее показательно развитие учебно-боевого трека. В 2019—2020 гг. фиксируется резкий рост интенсивности совместной подготовки: в январе 2019 г. прошли тренировки спецподразделений Республики Узбекистан и Национальной гвардии США на полигоне Camp Shelby (Миссисипи), в сентябре — пилотные учения в гарнизоне Чирчик, а в марте 2020 г. — маневры «Invincible Guardian-2020» на территории Узбекистана [Uzbekistan and the US have conducted...]. Параллельно укреплялась образовательная компонента: 24 июля 2015 г. Офис НАТО в Ташкенте запустил курсы военного английского для офицеров (первый набор — 15 человек), расширив кадровую базу для участия в мероприятиях альянса [Izimov, 2016].

Наконец, характер двусторонних отношений во многом определила эксплуатация авиабазы Ханабад (K2) для поддержки военной операции в Афганистане: соглашение заключено в октябре 2001 г., а в июле 2005 г. Ташкент, действуя в рамках договора, инициировал вывод контингента в шестимесячный срок. В совокупности поставки, подготовка кадров, совместные учения и адресная финансовая помощь (включая \$20 млн на развитие сил специальных операций [Yuldasheva, 2022]) формируют прагматичную, многоуровневую и институционализированную модель узбекско-американского оборонного взаимодействия.

При этом имеет место и точечное сотрудничество со странами блока НАТО: так, например, Узбекистан получил 6 легких вертолетов AS-350/AS-550 «Fennec» из Франции в период с 2014 по 2016 г., 8 транспортных вертолетов AS-532

«Cougar» из Франции в период с 2015 по 2016 г., еще 8 транспортных вертолетов AS-532 «Cougar» из Франции в период с 2019 по 2023 г., а также 4 транспортных самолета C-295 из Испании в период с 2015 по 2016 г. [Arms transfers database].

ВТС на западном направлении внешней политики Узбекистана выполняет важную политическую функцию: оно позволяет государству демонстрировать открытость и многовекторность, поддерживать каналы диалога с США и получать доступ к передовым методикам подготовки, что также способствует укреплению суверенитета в глазах международного сообщества.

Сотрудничество Узбекистана с Турцией

В последние годы Узбекистан активно развивает ВТС со «средними» державами, чьи военные технологии отличаются высоким качеством, но не несут геополитического бремени, характерного для великих держав, таких как РФ, США или КНР. Ключевым партнером в этом смысле выступает Турция.

Сотрудничество Узбекистана и Турции формировалось поэтапно и на протяжении трех десятилетий приобрело более институционализированный характер. Отправной точкой стал подписанный в 1992 г. договор о военном образовании, который, впрочем, долго оставался нератифицированным, что объективно сдерживало практическую кооперацию. Существенный шаг вперед был сделан в 2000 г., когда стороны заключили два ключевых соглашения — о военном и военно-техническом сотрудничестве, а также о сотрудничестве в сфере безопасности и борьбе с терроризмом. Эти документы задали базовую архитектуру взаимодействия и позволили перейти от эпизодических контактов к более системной повестке.

Дальнейшая институционализация последовала в 2022 г., когда было подписано Рамочное соглашение о военном и военно-техническом сотрудничестве. Хотя его содержание официально не раскрывается, Министерство обороны Узбекистана подчеркивало, что речь идет об углублении связей в области боевой подготовки, военного образования и оборонной промышленности, вследствие чего кооперация получила дополнительные траектории роста.

Материально-техническое измерение сотрудничества также развивалось неравномерно. В начале 2000-х гг. турецкая помощь носила преимущественно безвозмездный характер: в 2002 г. было поставлено имущества на 1,2 млн долл., в 2003 г. — на 1,5 млн долл. в рамках антитеррористической повестки, а в 2004 г. — еще на 610 тыс. долл. [Овсеян, 2010, с. 93]. Вместе с тем уже к концу 2004 г. такая помощь де-факто была свернута. Позднее акцент сместился к контрактным поставкам: в 2018—2019 гг. Узбекистан получил 24 колесные бронемшины Ejder Yalçın, а в 2023 г. — четыре ударных БПЛА Bayraktar TB2, что указывает на растущую технологическую совместимость и интерес к турецким решениям в сфере БПЛА.

Наконец, важной опорой остается совместная подготовка и учения. В 2023 г. узбекские подразделения участвовали в многонациональных маневрах «Вечное братство-II», в 2024 г. — «Вечное братство-III» [Multinational special forces drill]. Кроме того, военнотружущие Узбекистана привлекались к турецким учениям

«Кыш-2023» и «Кыш-2025» [Военные учения «Кыш-2025»]. Таким образом, договорная база, поставки и регулярные учения в совокупности формируют устойчивую, прагматичную и постепенно углубляющуюся модель узбекско-турецкого оборонного сотрудничества.

Выводы

Ключевой вывод, который следует из анализа внешнеполитической практики Узбекистана, заключается в том, что его ВТС не направлено на поддержание или корректировку военного баланса сил с другими региональными игроками. Напротив, оно является необходимым условием для строительства современной и боеспособной армии, рассматриваемой руководством страны как неотъемлемый атрибут государства.

Таким образом, можно сказать, что, цель ВТС — это укрепление суверенитета в широком смысле, что не сводится лишь к традиционному расчету национальной безопасности. Это укрепление реализуется в трех ключевых измерениях:

Во-первых, это символическое измерение. Наличие современных военных систем, участие в международных учениях и показательные военные парады с новейшим вооружением выступают важными символами государственного суверенитета и независимости на международной арене. Это демонстрирует способность Узбекистана самостоятельно обеспечивать свою безопасность.

Во-вторых, непосредственно функциональное измерение. Современная, хорошо оснащенная и обученная армия способна самостоятельно и эффективно противостоять внутренним и трансграничным угрозам, таким как терроризм, экстремизм и контрабанда без необходимости прямого военного привлечения сил великих держав. Для Узбекистана, исходя из горького опыта 2005 г., это критически важно: военная самодостаточность является высшей формой политической независимости, поскольку она минимизирует предлог для внешнего вмешательства под видом «оказания помощи».

Наконец, это технологическое развитие. Стратегия диверсификации поставщиков (Россия, Китай, Турция) позволяет Ташкенту избежать монопольной технологической зависимости от одного ВПК. Приобретая различные системы, Узбекистан формирует собственные технологические компетенции в области обслуживания, ремонта, модернизации и, в перспективе, локализации производства. Это постепенный, но последовательный путь к технологическому суверенитету и к созданию устойчивого национального военно-промышленного комплекса.

Таким образом, военно-техническое сотрудничество Узбекистана является частью его общего политического курса и конкретным проявлением принципа многовекторности, который, в свою очередь, выступает главной доктриной обеспечения и укрепления национальной государственности в условиях геополитической турбулентности. Решения о ВТС продиктованы не столько потребностью в корректировке регионального военного баланса, сколько стремлением к военному самообеспечению как столпу национального суверенитета.

Библиографический список

Более 340 военных Узбекистана начали обучение в РФ в этом году // Sputnik Узбекистан. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20181012/9675601.html> (дата обращения: 20.01.2025).

Военные учения «Кыш-2025»: укрепление обороны стран Евразии // Евразия Today. URL: <https://eurasiatoday.ru/voennye-ucheniya-kysh-2025-ukreplenie-oborony-stran-evrazii/?ysclid=m94bee4fpo231639857> (дата обращения: 20.04.2025).

Импорт вооружений в Центральной Азии: тренды и направления для диверсификации // CABAR.asia. URL: <https://cabar.asia/ru/import-vooruzhenij-v-tsentralnoj-azii-trendy-i-napravleniya-dlya-diversifikatsii> (дата обращения: 20.01.2025).

Овсепян Л. Военно-политические аспекты сотрудничества Турции со странами Центральной Азии: общая динамика развития // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13, № 2. С. 93—101. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2010/journal_rus/cac-02/07.shtml (дата обращения: 20.04.2025).

Перминова А. А. Военно-техническое сотрудничество КНР со странами Центральной Азии: выводы для России // Россия и современный мир. 2024. № 1(122). С. 107—125.

Сотрудничество Узбекистана и России: итоги 2022 года // E-CIS.info. URL: <https://e-cis.info/news/568/105908/?ysclid=m7acbtnda9949575566> (дата обращения: 20.01.2025).

Arms transfers database. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (дата обращения: 20.01.2025)

Multinational special forces drill 'Eternal Brotherhood-II' concludes // Pakistan Today. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2023/10/01/multinational-special-forces-drill-eternal-brotherhood-ii-concludes/> (дата обращения: 20.04.2025).

Ruslan Izimov. The Dynamics of the US-Uzbekistan Relations // CABAR.asia. — URL: <https://cabar.asia/en/ruslan-izimov-the-dynamics-of-the-us-uzbekistan-relations> (дата обращения: 20.01.2025).

Uzbekistan and the US have conducted military exercises to respond to crises // UZSECUREXPO — 2020. URL: <https://ieg.uz/en/post/secure/uzbekistan-and-us-have-conducted-military-exercises-respond-to-crises> (дата обращения: 20.01.2025).

Yuldasheva, G. Uzbekistan — US: A New Stage of Strategic Partnership / G. Yuldasheva // USA & Canada: Economics — Politics — Culture. 2022. Issue 2. p. 57—72. URL: <https://usacanada.jes.ru/issue.2022.1.2.2/> (дата обращения: 20.01.2025).

References

Bolee 340 voennykh Uzbekistana nachali obuchenie v RF v etom godu // Sputnik Uzbekistan. [Over 340 Uzbek servicemen started training in Russia this year]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20181012/9675601.html> (accessed: 20 January 2025). (In Russian).

Import vooruzhenij v Tsentral'noi Azii: trendy i napravleniya dlya diversifikatsii // CABAR.asia. [Import of armaments in Central Asia: Trends and directions for diversification]. URL: <https://cabar.asia/ru/import-vooruzhenij-v-tsentralnoj-azii-trendy-i-napravleniya-dlya-diversifikatsii> (accessed: 20 January 2025). (In Russian).

Izimov, R. The dynamics of the US—Uzbekistan relations. CABAR.asia. <https://cabar.asia/en/ruslan-izimov-the-dynamics-of-the-us-uzbekistan-relations> (accessed: 20 January 2025).

Ovsepyan, L. Voенно-politicheskie aspekty sotrudnichestva Turtsii so stranami Tsentral'noi Azii: obshchaya dinamika razvitiya // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2010. Т. 13, № 2. S. 93—101. [Military-political aspects of Turkey's cooperation with Central Asian states: Overall dynamics]. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2010/journal_rus/cac-02/07.shtml (accessed: 20 April 2025). (In Russian).

Ovsepyan, L. Voenno-politicheskie aspekty sotrudnichestva Turtsii so stranami Tsentral'noi Azii: obshchaya dinamika razvitiya // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2010. T. 13, № 2. S. 93—101. [Military-political aspects of Turkey's cooperation with Central Asian states: Overall dynamics]. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2010/journal_rus/cac-02/07.shtml (accessed: 20 April 2025). (In Russian).

Pakistan Today. (2023, October 1). Multinational special forces drill 'Eternal Brotherhood-II' concludes. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2023/10/01/multinational-special-forces-drill-eternal-brotherhood-ii-concludes/> (accessed 20 April 2025).

Perminova, A. A. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo KNR so stranami Tsentral'noi Azii: vyvody dlya Rossii // Rossiya i sovremenniy mir. 2024. № 1(122). S. 107—125. [The PRC's military-technical cooperation with Central Asian states: Implications for Russia]. (In Russian).

Perminova, A. A. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo KNR so stranami Tsentral'noi Azii: vyvody dlya Rossii // Rossiya i sovremenniy mir. 2024. № 1(122). S. 107—125. [The PRC's military-technical cooperation with Central Asian states: Implications for Russia]. (In Russian).

SIPRI. (n.d.). SIPRI Arms Transfers Database. <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (accessed: 20 January 2025).

Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii: itogi 2022 goda // E-CIS.info. [Cooperation between Uzbekistan and Russia: Results of 2022]. URL: <https://e-cis.info/news/568/105908/?ysclid=m7acbtrda9949575566> (accessed: 20 January 2025). (In Russian).

Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii: itogi 2022 goda // E-CIS.info. [Cooperation between Uzbekistan and Russia: Results of 2022]. URL: <https://e-cis.info/news/568/105908/?ysclid=m7acbtrda9949575566> (accessed: 20 January 2025). (In Russian).

UZSECUREEXPO — IEG. (2020). Uzbekistan and the US have conducted military exercises to respond to crises. <https://ieg.uz/en/post/secure/uzbekistan-and-us-have-conducted-military-exercises-respond-crises> (accessed: 20 January 2025).

Voennye ucheniya “Kysh-2025”: ukreplenie oborony stran Evrazii // Evraziya Today. [“Kysh-2025” military exercise: Strengthening Eurasian defense]. URL: <https://eurasiatoday.ru/voennye-ucheniya-kysh-2025-ukreplenie-oborony-stran-evrazii/?ysclid=m94bee4fpo231639857> (accessed: 20 April 2025). (In Russian).

Voennye ucheniya “Kysh-2025”: ukreplenie oborony stran Evrazii // Evraziya Today. [“Kysh-2025” military exercise: Strengthening Eurasian defense]. URL: <https://eurasiatoday.ru/voennye-ucheniya-kysh-2025-ukreplenie-oborony-stran-evrazii/?ysclid=m94bee4fpo231639857> (accessed: 20 April 2025). (In Russian).

Yuldasheva, G. (2022). Uzbekistan — US: A new stage of strategic partnership. USA & Canada: Economics — Politics — Culture, Issue 2, 57—72. <https://usacanada.jes.su/issue.2022.1.2.2/> (accessed: 20 January 2025).

Поступила в редакцию: 01.09.2025
Принята к публикации: 12.09.2025

Received: 01 September 2025
Accepted: 12 September 2025